

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник подготовлен сотрудниками отделов этнографии Сибири и Америки МАЭ РАН. Включенные в него статьи в том или ином аспекте затрагивают единую тему — представления о смерти и потустороннем мире в традиционных культурах двух огромных регионов мира — Северной Азии и Северной Америки. Печальное событие ухода из жизни привлекает к себе внимание потому, что практически всегда способствует актуализации всей совокупности представлений о мироздании и месте в нем человека и, подобно моссовскому дару, может рассматриваться как некий «тотальный факт» человеческой культуры.

Вместо последнего словосочетания можно было бы употребить «всей системы представлений», если бы я не был убежден в том, что отдельные верования, повествовательные тексты и ритуальные практики сливаются в нечто единое и непротиворечивое только в результате их сознательной обработки и интерпретации специалистами-интеллектуалами, будь то древние мудрецы или современные ученые. Как ритуальные действия, в которых участвуют люди, так и повествовательные тексты, которые они пересказывают, не являются плодом рефлексии над проблемами бытия и инобытия и мало зависят от конкретных обстоятельств, будь то исторические события, социальное и природное окружение. Если обстоятельства и оказывают свое влияние, то лишь на выбор из нескольких уже опробованных сценариев и вариантов. Справедливо называя культуры традиционными, мы не всегда отдаем себе отчет в значении этого определения. В своем поведении человек руководствуется прежде всего традицией, т.е. каждый раз воспроизводит известные ему элементы культуры. Факт такого воспроизведения доказывается наличием определенных дискретных и долгоживущих культурных традиций.

Разумеется, культура в конечном счете меняется, но эти изменения можно сравнить с теми, которые были вызваны дарвиновской эволюцией биологических видов — они незаметны для наблюдателя, поскольку

ярко проявляют себя лишь в масштабе гигантских временных промежутков. По мере усложнения культуры и роста демографической плотности происходят нарастающая в геометрической прогрессии дифференциация культурных традиций и учащение межкультурных контактов. Этот процесс способствует все большему ускорению изменений в культуре, в результате чего может возникнуть впечатление, будто инновации и традиции есть две «симметричные», неизменно сопутствующие друг другу составляющие культурной эволюции. Вряд ли это так. В подавляющем большинстве случаев инновации состоят в рекомбинации уже известных элементов культуры и заимствовании ранее неизвестных элементов со стороны. Иначе говоря, новыми эти элементы культуры являются лишь для определенных людей и коллективов, но реципиенты их не изобретают, а воспринимают как традиционные, опробованные, хотя и чужие. Случаи появления действительно новых форм невероятно редки и вызваны неповторимыми, уникальными стечениями исторических обстоятельств.

Все это касается даже таких фундаментальных изобретений и новшеств, как земледелие и скотоводство, металлургия, керамическое производство, колесный транспорт и гончарный круг, письменность, государственная организация. В еще большей степени это касается тех элементов культуры, которые непосредственно не влияют на систему жизнеобеспечения и могут воспроизводиться в традиционных формах, несмотря на существенные изменения в природном и социальном окружении. Ритуал и особенно космологические представления и повествовательные тексты принадлежат к числу культурных элементов, отличающихся особенно высокой консервативностью. Этим и обусловлена их ценность для исследователей.

Разумеется, мы можем сосредоточить внимание не на историческом аспекте исследования, а на значении мифов и ритуалов для носителей культуры, однако этот путь более сложен, чем кажется на первый взгляд. В нашем распоряжении редко оказываются материалы, отражающие размышления информантов, их оценку совершаемых действий и рассказываемых текстов. Подобные размышления и оценки традиционны, т.е. представляют собой некоторые стандартные ответы на стандартные вопросы. Если же вопросы нестандартны и выходят за рамки традиции, то они ставят носителей культуры в тупик. Именно это имел в виду Эдмунд Лич, когда писал, что верования не имеют другого содержания помимо того, что раскрывается в ритуале [Leach 1954: 98–99]. Когда мы пытаемся узнать (прямо ли спрашивая информантов или самостоятельно анализируя совокупность имеющихся данных), что означают те или иные действия, образы или фабулы в рамках общей картины мира, тем

самым мы стараемся достроить, дооформить культурную традицию, добавить к ней нечто, прежде отсутствующее. Подобная «доработка» традиции бывает логичной, но следует отдавать себе отчет в том, что это не реконструкция (т.е. не восстановление с большей или меньшей вероятностью того, что исчезло или скрыто от нас), а добавление к реальному материалу тех элементов, которые, может быть, и могли бы в нем быть, но на самом деле все же отсутствуют. Даже у самых остроумных и интересных построений такого рода есть один неизбывный дефект — каждое является окончательным завершением исследовательского процесса и не может стать основой для дальнейших построений. Кумулятивность, т.е. накопление все новых знаний о мире на основе уже добытых, является основополагающим свойством науки. Поскольку вероятность правильности предлагаемых «реконструкций» не поддается оценке, то цепочка в накоплении знаний обрывается и пространство науки мы, таким образом, покидаем.

Интерпретативный подход к культуре не всегда предполагает вступление на путь необоснованных догадок и недоказуемых обобщений. Мало кто более резко протестовал против таковых, нежели мэтр интерпретативной антропологии Клиффорд Гирц. По Гирцу, задача антрополога похожа на ту, с которой сталкивается любой из нас в незнакомом обществе. Если мы способны верно понять и почувствовать все нюансы взаимоотношений между окружающими людьми и личностные особенности каждого участника взаимодействий, то будем приняты за своего, если нет — то останемся в положении чужака. Антрополог призван описать круг всех возможных значений и ассоциаций для всех элементов культуры, прежде всего для наиболее насыщенных такими значениями, к числу которых относятся ритуальные практики и мифологические тексты. Эта задача, однако, выглядит в определенном смысле прикладной и выполнима только по отношению к современности или недавним периодам, хорошо обеспеченным источниками.

На мой взгляд, мифы, ритуалы и вся сфера культуры, напрямую не связанная с системой жизнеобеспечения и социальной организацией, важна для нас прежде всего как источник уникальной информации о прошлом, точнее — о том, как возник мир, в котором мы живем. Существуют, по-видимому, два фундаментально различных взгляда на историю и природу. Согласно одному (опасаюсь, до сих пор господствующему) в известных нам фактах отражены изначально существующие законы, и если эти законы открыты, то остается лишь вновь и вновь (хотя непонятно зачем) находить для них подтверждения. На этом положении основаны не только религиозные и мистические доктрины, но и многие

направления в гуманитарной науке — от классического эволюционизма, включая марксизм, до структурализма Клода Леви-Строса и фрейдизма Алана Дандеса. Согласно другому взгляду, «природа не подчиняется никакому плану, у истории нет заранее написанного сценария» [Берлин 2001: 91]. Осуществившаяся в последние десятилетия и многими до сих пор незамеченная революция в науке о прошлом состоит в том, что на смену закономерной лесенке стадий развития общества пришло представление об уникальных путях развития конкретных человеческих сообществ — от выделения разумного человека как вида до сегодняшнего дня. Подозреваю, что параллельно тот же процесс шел в биологии и физике, поскольку открытия в этих дисциплинах (чем дальше, тем больше) свидетельствуют о сочетании случайных и непредсказуемых обстоятельств и мощных, но вероятностных тенденций как о факторах, ответственных за появление жизни и человека.

Традиционные элементы в культурах есть не наследие различных стадий, а свидетельства принадлежности тех или иных предков носителей данных культур к определенным сообществам, которые существовали в прошлом. Поскольку ритуалы и мифы консервативны, при обращении к ним открывается перспектива получить информацию об очень отдаленных от нас эпохах. Эта информация касается не человечества в целом, а групп людей, обитавших на определенных территориях в определенные периоды времени. Знания о культуре подобных групп необходимы потому, что, только проследив всю цепочку культурной эволюции, мы сможем отчасти понять, как и почему исторический процесс привел к известным нам результатам.

Взгляды авторов сборника на то, в какой мере (если вообще) и почему этнология является исторической дисциплиной, различаются. Скорее всего и читатели имеют разные мнения на этот счет, так что каждый сможет найти статьи, которые его в наибольшей мере заинтересуют.

Ю.Е. Березкин

Библиография

- Берлин 2001 — *Берлин И.* История свободы. Россия. М., 2001.
Leach 1954 — *Leach E.R.* Political Systems of Highland Burma. L., 1954.